

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕТВИ СЕМЬИ БАТО-ПЛЕХАНОВЫХ *

Члены моей семьи попросили меня написать краткую ее историю, к которой мне хотелось бы добавить несколько личных воспоминаний.

Я обязан своим происхождением двум абсолютно разным семьям: Бато и Плехановых. Бато — бургундские протестанты (мой предок был первым советником парламента Бургундии) — покинули Францию сразу после отмены Нантского эдикта¹ и обосновались в Швейцарии, где процветали. Вот почему, все члены семьи являются гражданами Женевы.

Архивы семьи Бато погибли во время войны. Все ценное, чем мы располагали, было разграблено в период немецкой оккупации. Это воспринимаешь как парадокс, когда думаешь о том, что моя бабушка, вспоминая о войне 1870² г. и полагая, что Париж может быть оккупирован или осажден, вывезла в Нормандию все семейные ценности, в том числе и прекрасную коллекцию картин. Среди вывезенного имущества находились история и генеалогическое древо семьи Бато — документы, о которых у меня, к несчастью, сохранились лишь смутные воспоминания.

Все же я знаю, что мой прадед Станислас Бато владел обойной фабрикой (или фабрикой по производству цветной бумаги) и проживал в Женеве, в доме 12 по улице Сенебье, неподалеку от Бастионного сада. Еще будучи холостяком, в возрасте около 30 лет, он решил, оставив фабрику в руках компаньона, побывать в Америке. Там он пережил весьма необычное приключение. В самом деле, его след обнаруживается на территории теперешнего штата Дакота, где он был первым советником вождя одного из индейских племен. Кажется, он провел с ними около двух лет, а затем, поскольку скво его более не занимали, оказался в Сантьяго-де-Чили. По-видимому, никто в нашей семье не знал, как моему прадеду удалось добраться из Дакоты в Чили. Там, по прибытии в Сантьяго, Станислас Бато встретил дочь местного банкира, француза по происхождению, Клеменцию Лефорт де Берне, на которой вскоре женился.

Когда она ждала ребенка, молодые супруги решили, что он должен родиться во Франции и сели на клипер, направлявшийся в Гавр (у нас до сих пор хранится картина с изображением «Бонавентуры»). К несчастью, паруснику сильно досталось, когда он огибал мыс Горн, доказательством чему является тот факт, что моей прабабушке пришлось разрешиться от бремени, находясь на борту, с помощью какого-то старого моряка, имевшего многочисленное потомство.

Несомненно, она сохранила об этом тягостное воспоминание, поскольку, прибыв в Гавр, отпустила моего прадеда с младенцем и кормилицей в Женеву, а сама отправилась в Берне отдохнуть в кругу семьи.

Прадед никогда более ее не видел. Мы не знаем, были ли причиной тому тягостные воспоминания о родах или, что вероятнее, влияние семьи, старой аристократической нормандской фамилии, которая не могла видеть ее замужем за протестантом.

* Воспоминания печатаются в переводе с французского языка Н. А. Елагинной.

Таким образом, мой дед, Эмиль Бато, был воспитан отцом и гувернантками. Впрочем, он сохранил об этом наилучшие воспоминания. Оригинал по натуре, мой прадед, во время войны 1870—1871 г., хотя и был швейцарцем и теоретически оставался нейтральным, организовал партизанский отряд для борьбы с немцами и оказания помощи армии Bourbaki. Мой дед, тогда еще ребенок, был в отряде связным и очень радовался такому приключению.

Впоследствии, по окончании частной школы в Шотландии, стал изучать медицину и затем попал в Крым, где повстречал очаровательную студентку-медика Марию Зарудницкую, на которой вскоре женился. Интересно отметить, что моя вторая бабушка, Розалия Боград, которая собиралась выйти замуж за моего русского деда, Георгия Плеханова, была студенткой медицинского факультета тех же курсов в Петербурге, и в то же время.

Вскоре дедушка и бабушка вернулись в Женеву, где дедушка, известный кардиолог, сделал блестящую медицинскую карьеру. В частности, прекрасное знание английского языка, позволило ему иметь в числе своих клиентов важных американцев и британцев.

У супружеской пары было двое детей: мой отец, Жорж Бато, родился в 1887 г., а тетька Елена — два года спустя.

Через несколько лет мой дед, которому, по-видимому, было мало одной медицины — как говорят, он был прекрасным физиком и математиком, — стал изобретателем. Так, он сконструировал первый электрический счетчик и продал лицензию, через посредничество созданного им небольшого общества «Gardy», в США (в Westinghouse, если мои воспоминания точны). Таким образом, благодаря патенту, он составил в США значительное состояние.

Мой отец, Жорж Бато, изучал литературу в Женевском университете, где и встретился с моей матерью — Евгенией Плехановой, дочерью Георгия и Розалии Плехановых, высланных в Швейцарию, где бабушка и завершила медицинское образование. Моя мать изучала русскую филологию. Позже я вернусь в своем рассказе к семье Плехановых, сыгравшей важную роль в истории России. Многочисленные труды написаны о моем деде, Георгии Валентиновиче Плеханове, и его жене. В настоящее время в Санкт-Петербурге работает Институт Плеханова (Дом Плеханова является сектором Российской национальной библиотеки — ред.), а в Липецке, откуда мой дед был родом, — Дом-музей Г. В. Плеханова.

[...] Мой дед стал знаменитым революционером и из-за преследования царского правительства был вынужден эмигрировать в Швейцарию. В дальнейшем я расскажу об этом подробнее. В Женеве, в кафе Ландольдт, где он вел споры с Лениным, до сих пор сохранилась банкетка, отмеченная их именами. По-видимому, они редко приходили к соглашению, поскольку мой дед-социалист не верил в благой результат коммунистической революции, до основания разрушающей старый мир.

Однако вернемся к семье Бато. Мой отец женился на Евгении Плехановой, и вся семья покинула Женеву, чтобы обосноваться во Франции. Дедушка и бабушка разместились в частном особняке, расположенном в сквере на проспекте, ведущем к Булонскому лесу, а мои родители — в доме номер 17 по улице Марбо, где я и родился 2 января 1918 г. Тогда же дедушка и бабушка купили поместье в Нормандии, в Хулгате, в Каль-

вадосе, а тетя Елена возродила из руин прелестный домик в Кань-сюр-мер на Лазурном берегу.

Сестра мамы, Лидия Плеханова, изучая медицину, познакомилась, а затем вышла замуж за Анри Ле Савуре (протестанта), который стал выдающимся специалистом по нервным болезням и приобрел в собственность бывший дом Шатобриана³ — Валле-о-Лу (Долина волков), что в Шатене-Малабри, который он превратил в дом отдыха для артистов и интеллектуалов. Одновременно, он основал общество Шатобриана и стал его президентом.

Единственный ребенок в семье, я, естественно, был весьма избалован и имел бы очень счастливое детство, если бы мои родители ладили между собой, чего, к сожалению, не было. Оба высокообразованные и умные, они не приходили к согласию ни в чем, за исключением искусства и литературы, будучи страстными поклонниками греческой и итальянской цивилизаций. Мама, которая до встречи с отцом немного занималась пением в Милане, хотела бы продолжить занятия, но, по-видимому, мое присутствие не оставляло для этого времени. Разрываясь между двумя семьями, я обладал всем, что только можно вообразить в сфере материального, чтобы иметь счастливое детство, но раздоры между родителями тяготили меня. Мама любила меня так безоглядно, что не выносила, если кто-либо другой проявлял ко мне симпатию.

Таким образом, я становился все более и более избалованным, и спас меня мой дядя Ле Савуре, считавший, что я иду по плохой дорожке: тогда, будучи учеником 5 класса в лицее Жансон де Сайи, я только что провел 4 месяца, отлынивая от уроков, что, впрочем, мне дозволялось, благодаря фальшивым справкам о болезни, которые выдавала мне наша горничная, и карманным деньгам, которые она мне одалживала... Я знакомился с Парижем и все еще храню об этом времени прекрасные воспоминания. В ту пору дети могли разъезжать по Франции, нимало не рискуя подвергнуться грубому обращению.

Тонкий психолог, дядюшка Ле Савуре добился того, чтобы мои родители решились отправить меня в пансион. Так я оказался в Эколь де Рош, где, после первого трудного года, прожил многие счастливые дни и обзавелся множеством друзей.

Необходимо также сказать несколько слов о каникулах, которые я проводил на Рождество — в Межеве, а на Пасху — на Лазурном берегу, где у тети Елены был прелестный домик с экзотическим садом в верхней части Кань-сюр-Мер. (Впоследствии я продал этот дом, поскольку Лазурный берег стал непригоден для жизни, и построил тот, которым мы владеем сейчас в Иль-д'Йе). В эти предвоенные годы Кань, отделенный от моря рядом небольших домиков (хижин) с садом и полосой леса, куда ходили собирать сморчки, был идеальным городком. Местные жители были доброжелательны, и я не могу не выразить свою особую признательность Жану Тордо, фабриканту, занимавшемуся производством макаронных изделий, Виктору Ру — владельцу столярной мастерской, и Жюлю Небу — местному нотариусу, которые открыли для меня радости рыбной ловли. Все трое были заядлыми рыбаками и приходили в восторг, наблюдая за страстным увлечением ребенка. Можно было бы написать целую книгу о наших опытах. Отмечу только, что тогда еще не шла речь о ловле на мушку (К этому биографическому рассказу я хотел бы добавить одну важную главу — главу о ловле рыбы на мушку, что было и остается любимым видом спорта в нашей семье, и посвящу этому отдельный

рассказ). Я научился этому в Эколь де Рош, вместе с бароном де Нейфлицем, сын которого, Жан-Луи, был моим соучеником и другом.

В Нормандии я делил свой досуг между ловлей морских рыб (здесь также я был единственным ребенком среди взрослых, занимавшихся рыбным промыслом), теннисом и дедушкой, Эмилем Бато, который превратил часть погреба в мастерскую-лабораторию, где он мастерил, между прочим, самолеты с движущимися крыльями. Я также строил — клеил воздушных змеев необычной формы, с которыми выиграл многие соревнования.

Дедушка Эмиль Бато и бабушка были неразлучной парой, и в тот день, когда он умер, она, очень красивая светская дама, полностью удалилась от общества, погрузившись в траур.

Я был очень счастлив в Хулгате, где у меня было много друзей, однако смерть деда в 1929 г. стала для меня ударом. Мне с ним всегда было весело, а дедушка и бабушка обожали своего единственного внука.

Деда убил биржевой крах 1929 г. Он не смог пережить потерю большей части состояния, хотя и оставшихся денег было вполне достаточно, чтобы вести тот же образ жизни, что и ранее. С той поры я всегда питал недоверие к благам земным, хотя мне повезло унаследовать в 16-ом округе Парижа дом, который бабушка купила после смерти деда, с целью размещения капитала.

Так я и жил до сентября 1939 г., в мире, абсолютно отличном от мира сегодняшнего. Безусловно, я принадлежал к привилегированному классу, но и в Кань, и в Хулгате у меня были друзья в разных слоях общества.

В 18 лет я получил водительские права, тогда же родилась моя страсть к автомобилям, которая позднее подвигла меня стать пилотом на гонках и принять участие в 24 ралли в Мансе (Эта сторона моей карьеры прервалась в 1949 г., когда Роберт Шуман, в то время министр иностранных дел, твердо попросил меня расстаться с этим видом деятельности, что я и сделал. К тому времени, после двух или трех впечатляющих падений, я уже отказался от лыжных соревнований).

В ту пору одной из моих проблем являлось то, что я был единственным ребенком в семье, и потому меня разрывали на части. Так, мама и тетя Елена Бато (не вышедшая замуж), обе меня обожавшие, все время соперничали из-за меня и безумно меня баловали. Тетя Елена столь же умная, сколь некрасивая, была одновременно художником и археологом. Благодаря ей, дедушка Эмиль Бато в свое время купил коллекцию картин импрессионистов, которая, к несчастью, была разграблена нацистами. Когда генерал СС, завладевший коллекцией, пожелал вывезти ее в Германию, похищенные у нас картины и другие ценности погибли при транспортировке под ударами авиации союзников. Добавлю только, что в обмен эсэсовцы оставили в нашем доме, парке и огороде 158 мин, которые были, к счастью, обнаружены и обезврежены саперами союзной армии.

В том, что касается моей учебы, то, закончив Эколь де Рош, я занимался в Лицее Кондорсе политическими науками, на отделении дипломатии и впоследствии также получил звание лиценциата по филологии (английский язык и литература).

В сентябре 1939 г. меня мобилизовали для прохождения обучения в школе по подготовке офицеров запаса в Лавале (Майен), где моим лучшим другом был Луи де Шателю, погибший на войне. Затем я прошел курс офицера запаса в Сен-Сире, откуда вышел вольноопределяющимся. Мне повезло, поскольку представилась возможность выбрать

часть альпийских стрелков, 22-ой ВСА, базирующейся на границе с Италией, в горах над Нищей. Я не стану распространяться об этом периоде войны, когда мне довелось сражаться сразу с немцами и итальянцами, старавшимися вонзить нам нож в спину после катастрофы под Дюнкерком⁴. Так продолжалось до 18 июня 1940 г., когда вся семья, в которой всегда имели место диаметрально противоположные политические взгляды (Плехановы и дядя Ле Савуре были социалистами, а Бато принадлежали к партии «Action française»), объединилась, чтобы разоблачить перемирие и присоединиться к движению «Свободная Франция». Таким образом, я оказался в составе небольшой группы, носившей название «Национальная ассоциация бойцов Сопротивления», из которой ныне в живых осталось лишь несколько человек.

Мой отец, Жорж Бато, был одним из первых организаторов Сопротивления. Так, мы вступили в контакт с Анри Френе, Клодом Бурде, Жаком Бомелем, Шевансом, генералом Бертеном, Рюелем, генералом Вотреном, полковником Тьерри, командиром Уо, капитаном Блуеном и др. Одна из первых подпольных газет — «Les Petites Ailes» («Крылышки»), — которая позже получила название «Liberte» («Свобода»), затем — «Combat» («Борьба»), редактировалась моим отцом и Клодом Бурде. В ней выражалась надежда на то, что режим Виши, ведя двойную игру и притворяясь, будто сотрудничает с немцами, в действительности помогает союзникам [участникам антигитлеровской коалиции — ред]. К несчастью, ничего подобного не было. Петэн и его режим полностью ушли в коллаборационизм, до сих пор я испытываю стыд за Францию⁵.

В этой связи, я должен выразить восхищение, испытываемое в отношении своих дяди и тети Ле Савуре, которые в Шатне-Малабри (департамент Сены), под носом у немцев, превратили свой дом отдыха Валле-о-Лу в центр Сопротивления⁶ — одну из точек сети, по которой из страны вывозились летчики, служившие затем в частях союзников. По окончании войны дядя и тетя, впрочем, как и мой отец, отказались от почестей и наград, говоря, что они всего лишь исполняли свой гражданский долг.

Я сохранил наилучшие воспоминания о Валле-о-Лу, где провел значительную часть своего детства. Там у меня всегда была отдельная комната, и я мог приглашать друзей поиграть в великолепном парке. В годы моей дипломатической деятельности мы с женой также жили в Валле-о-Лу, снимая парижскую квартиру у друзей, и могли наслаждаться удивительной красотой этого места.

Что касается меня лично, то в октябре 1945 г. в качестве атташе посольства я поступил на службу на Ке д'Орсе [Париж, здесь расположено Министерство иностранных дел Франции — ред.] и последовательно занимал посты в Комиссариате по делам немцев и австрийцев, где занимался перемещенными лицами; в Ираке, где мой друг Юлиан Питт-Риверс был наставником юного короля, потом в Португалии, где встретил ту, которая позднее стала моей женой и матерью моих детей. В действительности, речь идет о моей второй жене, так как первый раз я женился во время войны на Гийометт Ларди, молодой женщине, с которой познакомился участвуя в движении Сопротивления, и которая была одной из самых замечательных женщин из всех, кого я знал. Мы пережили великую страсть, после войны растаявшую как дым, и, поскольку у нас не было детей, разошлись в 1947 г.

Я встретил Дебору Мартин на дипломатическом приеме. Ее родители развелись, и мать вторично вышла замуж за обаятельного человека, Джона Бартлета Ричардса, со-

ветника по торговым делам в посольстве США в Лиссабоне, где тогда я был первым секретарем французского посольства.

Дебора была прелестной и обворожительной молодой девушкой, американкой, довольно робкой, которая доказала, что обладает большим мужеством, согласившись выйти за меня замуж. По правде говоря, моя теща, Дороти Ричардс, пришла в ужас от мысли, что ее единственная дочь вступит в брак с французом на 13 лет старше себя, к тому же наделенным страстью к спортивным машинам (в Лиссабоне у меня была моя старая машина, участвовавшая в 24 часовых гонках в Мансе) и пользовавшегося репутацией ловеласа.

В 1954 г. я вернулся в Париж, и теща, чтобы посмотреть, сможет ли дочь привыкнуть к Франции и французам, направила ее пансионеркой к одной графине, которая принимала у себя девушек-иностранок из хороших семей. Дебора привыкла очень быстро, и мы поженились в мае 1954 г. в Париже, а не в Лиссабоне, поскольку мой отец уже плохо себя чувствовал, а теща не горела желанием организовывать эту свадьбу (хотя с той поры мы с ней в очень хороших отношениях).

Наша дочь Сильви родилась 1 мая 1955 г., сын — Жан-Клод — 19 мая 1958 г., последний сын — Филипп — 3 мая 1965 г. Все они родились в американском госпитале в Нейи-сюр-Сен.

Вернувшись из Португалии, я получил должность в Париже в Управлении по делам экономики и финансов (Assistance Technique Bilaterale), затем в Генеральном секретариате национальной безопасности (Assistance aux Armees Alliees).

В августе 1958 г., когда Жан-Клод был еще совсем малышом, я отправился в сопровождении жены и детей в США в качестве Генерального консула в Денвере, Колорадо. Мы провели там 4 счастливых и интересных года, и я имел удовольствие организовать, по случаю столетия штата Колорадо, самую впечатляющую презентацию достижений французской высокой моды, которая когда-либо до того дня проводилась в США (должен признаться, без всякой помощи со стороны французского правительства). Помню также, что по этому случаю был дан большой обед «от Максима», и что понадобилось личное вмешательство губернатора и местного сенатора, чтобы пропустить через таможенную службу «Bilibi».

После Денвера, где мои родители провели с нами три месяца, здоровье моего отца немного улучшилось, и мы проездом через Нью-Йорк вернулись в Париж. Мы, жена, дети и я сам, сохранили огромное впечатление от морского путешествия во Францию. Там произошла забавная история: в Денвере, дома, мы всегда старались говорить с детьми по-французски, тем более, что наша домашняя прислуга, итальянцы Рикардо и Наталина Беллони, сами были франкофонами. Так случилось, что моя дочь Сильви одинаково владела двумя языками, тогда как сын Жан-Клод, который ходил в детский сад, отказывался произнести и слово по-французски. Он всегда отвечал нам по-английски. Прибыв на корабль, я сказал ему: «Теперь ты на борту французского корабля и обязан будешь говорить по-французски». Он ответил мне: «Посмотрим». Сразу же после отплытия четырехлетний мальчуган исчез и, к большой тревоге своих родителей, пропал целый час для того, чтобы, вернувшись, заявить: «На этом корабле все говорят по-английски»...

В Париже в сентябре он пошел в детский сад. Неделю спустя директриса спросила нас, не является ли наш сын немым, так как он ни разу не произнес ни слова. Мы ответи-

ли, что, напротив, он весьма разговорчив, но нужно подождать, ибо мы были уверены, что он заговорит по-французски. Через несколько дней Жан-Клод вернулся домой и с тех пор говорил только на французском языке. Впоследствии нам пришлось сражаться за то, чтобы он говорил по-английски.

Сильви и Жан-Клод провели счастливые годы в начальной школе Жана Кавалье в Севре. Мадам Манье, директриса, очень сильная личность, превратила школу в образцовое заведение

В течение трех лет, с 1955 по 1958, я работал на Ке д'Орсе начальником службы информации, которую создал почти полностью. В частности, я установил на дипломатических постах и в основных консульствах сеть радиотелетайпов, передающих французскую информацию, что позволяло следить за событиями даже в тех странах, куда новости из Франции поступали очень редко. Одновременно я контролировал радиопередачи, направленные на границу, и внес в них значительные изменения. Это был пост, требующий отдачи всех сил и столь же интересный. Мой руководитель, посол Французской республики Клод Лебель, стал моим большим другом.

В 1965 г., я выразил желание вновь занять пост за границей, и очень любезно, в благодарность за мою службу, министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль назначил меня генеральным консулом в Сан-Франциско. Это и была должность, о которой я просил. Мы уехали в августе 1965 г., когда родившийся к нашей большой радости в мае сын Филипп, был еще грудным младенцем.

До отъезда в Сан-Франциско я узнал, что генеральное консульство не имеет собственной резиденции, и мои предшественники довольствовались помещениями, снятыми внаем. Я добился, чтобы служба недвижимости Министерства иностранных дел дала разрешение на приобретение резиденции. Таким образом, после длительных поисков и временного проживания на Union Street перед нами встал вопрос о покупке старинного дома Жирарделли на Jackson Street. Речь шла об очень красивом доме, который позволил нам разместить одновременно нашу резиденцию, консульство, бюро генерального консула и некоторые службы отдела культуры. Остальные бюро: советника и атташе по торговле, атташе по вопросам науки, атташе по культурным связям разместились в городе. Я оказался во главе приблизительно сорока человек.

Пребывание на посту генерального консула было столь же интересным, сколь и приятным. Эти годы были примечательными, ибо по времени совпали с визитом Президента Франции Жоржа Помпиду и его супруги в США, — событием, оставившим очень хорошие воспоминания.

Вернусь теперь к моей семье. Сильви посещала «Sarah Dix Hamlin School», хорошую частную школу для девочек, а Жан-Клод учился в двуязычной франко-американской школе, которую я создал со своими американскими друзьями и частью персонала французской колонии без какой-либо помощи со стороны правительства. Что касается Филиппа, то он был еще очень маленьким, в последний год нашего пребывания за границей ходил в замечательных детский сад.

После Сан-Франциско, в 1971 г., мы вернулись во Францию, где я на короткий срок вторгся в политику в качестве технического советника в составе кабинета моего друга Жака Бомеля, тогда государственного секретаря в министерстве общественных отношений, затем — в составе кабинета премьер-министра Жака Шабан-Дельма. Затем я вернулся на Ке д'Орсе, где, как намечалось, должен был быть назначен посланником,

постоянным представителем при Организации Объединенных наций в Женеве. Однако в это время у моей жены начали проявляться первые признаки опухоли мозга — болезни, которая унесла ее в 1980 г. По состоянию здоровья она должна была находиться под постоянным наблюдением, поэтому я остался в Париже, заняв должность выездного посланника при Управлении Организации Объединенных наций, базирующегося (со штаб-квартирой) в Париже.

В 1978 г. состояние здоровья Ноно(домашнее имя Деборы), казалось, улучшилось в результате хирургического вмешательства, и я принял назначение на пост посланника при Ф.А.О. и других учреждениях Организации Объединенных наций в Риме, где устроил резиденцию на Via di Parioni, в части старинного дворца Аттолико, а новые бюро разместил поблизости, в старом здании, являвшемся частью имущества французской церкви в Риме.

Дети выросли. Сильви, сдав экзамены на степень бакалавра, уехала в Мадрид изучать испанский язык. Жан-Клод был студентом Международного лицея Ферне-Вольтер, недалеко от Женева. Филипп, единственный из детей, кто жил с нами в Риме, учился в превосходном лицее Шатобриана.

Наша жизнь в Риме была очень интересной, и могла бы быть превосходной, если бы не возобновилась болезнь жены. Она умерла 20 августа 1980 г. в нашем доме в Иль д'Йе, в присутствии меня и наших детей.

К этому времени Сильви уже обосновалась в Испании, где познакомилась с Эдуардо Робледо, а Жан-Клод, получив степень бакалавра, поступил в университет Беркли, в Калифорнии, прежде чем организовать дело (совместно с «Centraig») по импорту планеров французского производства в Трюке, в Неваде.

Что касается меня, я вернулся в Париж в 1982 г., где, поскольку моя дипломатическая карьера близилась к концу и звание полномочного министра, вне классов, было мне обеспечено, я стал внештатным советником министра по охране окружающей среды. В частности, занимался вопросами охраны рек и миграции лососевых рыб.

Филипп достаточно хорошо сдал экзамены на степень бакалавра в Париже, затем прослушал подготовительный курс на получение звания магистра (М.В.А) сначала в Париже, затем в Northeastern University в Бостоне. Сильви стала международным функционером во Всемирной организации по туризму в Мадриде (возглавляя французскую делегацию, в президиум которой при ее основании вошел и я).

Когда дело, связанное с планерами, в результате падения курса доллара, перестало быть рентабельным, Жан-Клод очень мужественно пережил это, решил продолжить образование. Он представил свою кандидатуру для прохождения курса на звания магистра (М.В.А) и был принят во Франции в знаменитую INSEAD. Окончив это учебное заведение, он открыл банк в Лондоне, который сначала носил название «J.N.I. International», а затем «Ceres Capital International» и имевшим большой успех. Что касается Филиппа, то, отслужив на государственной службе в рамках кооперации в отделении банка «Лионский кредит» в Лондоне, он стал заместителем своего брата. Их совместная деятельность оказалась очень плодотворной.

В феврале 1985 г. я вновь встретился с Марианной Викерс — подругой моей покойной жены и матерью Яна-Якоба, одного из друзей детства Филиппа. Марианна к тому времени рассталась с мужем, и в октябре и декабре мы сочтались гражданским и церковным браком в протестантской капелле в Виль д'Авре.

29 мая 1994 г. семья имела счастье отпраздновать в Иль д'Йе свадьбу Филиппа с его давней подругой Наташей Ренар, замечательной молодой женщиной, умной и динамичной, а несколько месяцев спустя, в августе,— свадьбу Жана-Клода и Стефании Вилла, уроженкой Милана, проживавшей в Южной Африке вместе со своей матерью. 27 октября 1994 г. у Жана-Клода и Стефании родился сын и мой внук Жан-Пьер Бато, а затем, 29 марта 1995 г.— Франческа-Клод Бато.

8 декабря 1994 г. Сильви и Эдуардо Робледо, которые уже давно были вместе, в узком кругу друзей в Гибралтаре также сыграли свадьбу и уехали во Флориду, где с тех пор живут, обосновавшись на севере Майами.

Летом 1994 г. сыновья решили на год отойти от дела, которое процветало, оставив его под наблюдением управляющих. Филипп и Наташа купили в Намибии, на территории, прилегающей к каньону Фиш Ривер, ферму площадью 480 000 га, где ранее выращивали овец, и где им хотелось организовать заповедник для диких животных. Часть года было решено провести в Намибии, часть во Франции и часть — в Сар, в Южной Африке. Однако, прежде чем устроиться на новом месте, они решили совершить кругосветное путешествие.

Со своей стороны, Жан-Клод, страстный любитель парусного спорта и опытный шкипер, строил для себя на верфи в Коголене катамаран, достаточно большой, чтобы разместиться на нем вместе с семьей. Он также рассчитывал на этом судне совершить кругосветное плавание. Так случилось, что в ноябре 1995 г. мы с Марианной оказались вместе с Жан-Клодом и Стефанией в Коголене, где они (с небольшим опозданием) заканчивали постройку катамарана.

Жан-Клод подал заявку на участие в трансатлантической гонке «la transat des passionnes» по маршруту от Йер на Мартинику, с остановкой на Азорах. Филипп и трое друзей должны были сопровождать его до Балеарских островов, где Жан-Клод собирался нанять более опытный экипаж, чтобы пересечь Атлантику. 31 октября мы направились из Коголена в Йер на катамаране, которому дали имя «Baüete» (что по-зулусски значит «Салют королю»).

Жан-Клод, Стефания, Марианна и я доплыли на «Байет» до порта Крос, где провели ночь, затем направились в Йер. Катамаран, 15-ти метров в длину, был прекрасно обустроен, имел все, что положено иметь в доме, включая аппарат для получения пресной воды из морской. В то же время, он был оборудован усовершенствованной навигационной системой на основе спутниковой связи. Я сам стоял у руля до Йера, куда мы прибыли утром 1 ноября.

Филипп присоединился к нам так же, как и другие члены экипажа Жан-Клода: Эрве Кайо, Паскаль Метуа и британец Ричард Каррингтон.

1 ноября мы расстались с экипажем, и «Байет» с успехом принял участие в регате, предшествовавшей гонке. Затем они переночевали на острове Поркероль, чтобы утром направиться к Балеарам.

Французская национальная метеорологическая служба объявила забастовку, несмотря на то, что в Средиземном море проходили одновременно две гонки — «la Transat des Passionnés d'Hyères» и «la Transat des Alisées d'Italie», — и участники двух этих гонок располагали лишь очень расплывчатыми указаниями, касающимися метеорологической обстановки.

2 ноября вечером я позвонил Жан-Клоду в Поркероль. Он сообщил мне, что была сильная буря в Заливе Льва, но погода улучшилась. Доверившись ошибочным указаниям, он отплыл 3 ноября на Балеары. Плавание проходило нормально до середины дня, после полудня разыгралась жестокая буря, которая, если верить адмиралу де Голлю — дяде Эрве Кайо, была самой сильной на Средиземном море за последние 40 лет, с вихревыми ветрами скоростью 130 км в час и волнами высотой в несколько метров.

Поскольку весь экипаж страдал от морской болезни, Жан-Клод решил с наступлением ночи, отдать паруса и плыть, подняв якорь, пока буря не успокоится. Они находились тогда в самом центре Залива Льва.

Ночью буря еще усилилась, и к полуночи, насколько мы знаем, огромная волна опрокинула корабль. Четверо пассажиров устроились на перевернутом судне, вымокшие и замерзшие при температуре от 4 до 5 градусов. Жан-Клод смог подать сигнал бедствия, но погода была столь ужасна, что первые вертолеты, отправленные на помощь, их не нашли. Жан-Клод и Эрве Кайо, которые были наиболее опытными навигаторами, предпринимали отчаянные усилия, чтобы спустить в море спасательную лодку, находившуюся на корме. Во время этой операции, оба были смыты волной. То же случилось и с Паскалем Метуа. Что касается Филиппа, его тело было обнаружено внутри судна, куда он соскользнул по открытому трапу. Он умер от переохлаждения.

Единственный оставшийся в живых из экипажа, находился почти в коме, когда его обнаружил вертолет. Это был англичанин, которого Жан-Клод привязал к перевернувшемуся кораблю.

Итак, мой внук Жан-Пьер оказался последним из сыновей Бато.

Такова была трагедия, постигшая семью.

После пересечения Атлантики мы все должны были встретиться на Мартинике, где должен был родиться второй ребенок Жана-Клода и Стефании, пока Филипп и Наташа продолжали бы задуманное кругосветное путешествие.

После драмы мои новости доказали, что обладают исключительным мужеством. Мы делали и продолжаем делать все возможное, чтобы им помочь. 29 марта 1996 г. Стефания, в Южной Африке, где жила ее мать, родила второго ребенка, девочку, — Франческу-Клод-Жакаранда. Наташа покинула Лондон, где у них с Филиппом была прекрасная квартира, чтобы проводить часть времени в Намибии, часть в нашем семейном доме на улице Леконта де Лилля.

В конце лета 1999 г. Стефания, ее дети Жан-Пьер и Франческа, мать Стефании, Карла, и Джойс, их няня, приехали, чтобы устроиться неподалеку от нас в верхней части Медона, в красивом доме с большим садом. Мы часто с ними видимся.

Примечания

¹ Нантский эдикт 1598 г. положил конец религиозным войнам между католиками и сторонниками кальвинизма во Франции во второй половине XVI века. По его условиям католицизм оставался господствующей религией в стране, однако кальвинистам были гарантированы религиозные и политические права, целый ряд привилегий (прим. ред.).

² Имеется в виду Франко-прусская война 1870—1871 гг. В качестве победителя Германия аннексировала часть территории Франции — Лотарингию (прим. ред.).

³ «Долина волков» — название лома в Шатене-Малабри, принадлежавшего семье Франсуа Рене Шатобриана, французского мыслителя, писателя и политического деятеля и дипломата (1768—

1848). После смерти Шатобриана у поместья несколько раз менялись владельцы, некоторое время им владела семья Ле-Савуре. По завещанию Л. Г. Лсвуре-Плехановой после ее смерти в 1978 г. здание и парк отошли Институту Пастера (прим. ред.).

⁴ Дюнкеркская операция проходила с 26 мая по 4 июня 1940. Ее цель состояла в том, чтобы эвакуировать на британские острова английский экспедиционный корпус и подразделения французской армии, расположенные на территории Франции близ Дюнкерка. В результате несогласованных действий со стороны Великобритании 42 английских, французских и бельгийских дивизии были окружены фашистскими войсками. В ходе операции по спасению удалось вывести около 340 000 человек, Англия и Великобритания потеряли значительное количество морских судов и самолетов (прим. ред.).

⁵ 14 июня 1940 г., десять дней спустя после завершения Дюнкеркской операции, немецкие войска без боя вошли в Париж. Уже 22 июня правительство Петена подписало Компьенское перемирие, по которому Франция взяла на себя содержание оккупационных войск, занявших 2/3 территории страны, и ряд других обязательств. 24 июня, близ Рима, в Вилле Иньиза французским правительством был подписан акт о капитуляции перед Италией. 11 июля, вследствие военных действий, предпринятых Великобританией и Францией против друг друга, Франция разорвала дипломатические отношения с бывшим союзником. С этого момента Французская республика из побежденного и нейтрального государства превратилась в сателлита Германии (прим. ред.).

⁶ В июне 1940 г. было оформлено движение «Свободная Франция» (впоследствии — «Сражающаяся Франция»). Во главе движения встал генерал Шарль де Голль (прим. ред.).